УИЛЬЯМ
САРОЯН

Ученик брадобрея

АЗБУКА-КЛАССИКА

Annotation

«Грустное и солнечное» творчество американского писателя Уильяма Сарояна хорошо известно читателям по его знаменитым романам «Человеческая комедия», «Приключения Весли Джексона» и пьесам «В горах мое сердце…» и «Путь вашей жизни». Однако в полной мере самобытный, искрящийся талант писателя раскрылся в его коронном жанре – жанре рассказа. Свой путь в литературе Сароян начал именно как рассказчик и всегда отдавал этому жанру явное предпочтение: «Жизнь неисчерпаема, а для писателя самой неисчерпаемой формой является рассказ».

В настоящее издание вошли более сорока ранее не публиковавшихся на русском языке рассказов из сборников «Отважный юноша на летящей трапеции» (1934), «Вдох и выдох» (1936), «48 рассказов Сарояна» (1942), «Весь свят и сами небеса» (1956) и других. И во всех них Сароян пытался воплотить заявленную им самим еще в молодости программу – «понять и показать человека как брата», говорить с людьми и о людях на «всеобщем языке – языке человеческого сердца, который вечен и одинаков для всех на свете», «снабдить пустившееся в странствие человечество хорошо разработанной, надежной картой, показывающей ему путь к самому себе».

Уильям Сароян
Андраник Армянский

Я заговорил по-армянски только после того, как к нам переехала бабушка. Каждое утро она распевала песни о воине Андранике; так я узнал, что он был армянином, крестьянином-горцем, который верхом на черном коне с горсткой своих людей сражался с врагом. Было это в 1915 году, в год физических страданий и духовного разлада у народа моей страны и всего человечества, правда, мне тогда было семь лет и всего этого я не знал. Но по своей собственной неизъяснимой печали я мог судить, что в мире происходит что-то не то, только я не знал, что именно. Занимаясь домашними делами, бабушка пела. Ее сильный скорбный голос был полон великого гнева, и вот тогда я начал догадываться. Я подхватил этот язык и заговорил на нем как-то сразу, потому что он жил во мне и мне оставалось только восстановить связь между словами и памятью. Я же армянин. И да сгинут негодяи, что портят нам кровь. У нас, у армян, так, хотя это и неправильно. Негодяев не бывает. Армянин испытывает такое же чувство горечи, что и турок. Абсурдно, но я этого не знал. Я не знал, что турок – всего лишь простой, добродушный, слабый человек, который делает то, к чему его принуждают. Я не знал, что ненавидеть его – все равно что ненавидеть армянина, ведь что армянин, что турок – по сути, это один и тот же человек. Бабушка тоже этого не знала и теперь не знает. А я знаю, правда, не уверен, доведет ли меня это до добра. Ведь столько еще в мире скудоумия! А под скудоумием я разумею всяческую дрянь, невежество, например, или еще хуже, добровольное ослепление, тупое, безмозглое, упрямое нежелание видеть что-либо вокруг себя. Всем на свете известно, что наций как таковых не существует, однако же полюбуйтесь. Вот вам Германия, вот Италия, Франция, Англия, Россия, на худой конец. А посмотрите на Польшу. Как вам нравятся все эти обезумевшие маньяки! Пора бы людям открыть глаза и узреть собственный идиотизм. Ну почему они не научатся использовать свою силу ради жизни, а не ради смерти, но, похоже, они этого не сделают. Моей бабушке слишком много лет, чтобы учиться. А как насчет всех тех, кому еще нет тридцати? С ними-то как? Или чтобы учиться, они слишком молоды? Или это так полагается – работать на смерть?

В 1915 году генерал Андраник был отчасти в ответе за происходившие

в мире беды, но в этом нет его вины. У него не было другого выхода, и он действовал так, как того требовали обстоятельства. Турки убивали армян, а генерал Андраник со Своими солдатами убивал турок. Он убивал простых, добродушных, обыкновенных турок, но не уничтожил ни одного настоящего преступника, потому что все истинные преступники держались от поля боя подальше. Око за око, да только всякий раз не то, чье нужно. И моя бабушка молилась за победу и во здравие генерала Андраника, хотя и знала, что турки – народ неплохой, как она сама говорила.

Генерал Андраник выполнял в Армении и Турции ту же роль, что и Лоуренс Аравийский в Аравии: он держал турок в напряжении, чтобы те не могли угрожать войскам Италии, Франции и Англии. Генерал Андраник был простым армянским крестьянином и верил, что если он будет наносить урон турецкой армии, как его в этом заверяли правительства Англии, Франции и Италии, его народ получит свободу. У генерала Андраника не было ничего общего с искателем приключений, непоседливым английским писателем, который пытался прийти к согласию с самим собой относительно того, что есть в мире для него ценного. В отличие от Лоуренса Аравийского генерал Андраник не ведал, что усилия его тщетны и бессмысленны, поскольку после войны правительства Англии, Франции и Италии предадут его. Он не знал, что великие державы нуждаются в дружбе других великих держав, стремятся к ней, он не знал, что после войны и он, и народ Армении останутся ни с чем. Державы твердили, что нужно что-нибудь сделать для Армении, да так ничего и не сделали. По окончании войны генерал Андраник как был солдатом, так и остался; не солдатом, дипломатом и писателем, а лишь солдатом. Он был армянином, и только. Не для того он воевал с турками, чтобы потом об этом написать. Он не написал обо всей войне и двух слов. Он сражался с турками, потому что был армянином. Когда окончилась война и начались деликатные дипломатические переговоры, генерал Андраник исчез. Турецкое правительство разыскивало его как преступника и посулило уйму денег тому, кто доставит его живым или мертвым. Генерал Андраник скрывался в Болгарии, но турецкие патриоты последовали за ним и туда. Поэтому он отправился в Америку.

Генерал Андраник прибыл в мой родной город. Казалось, в день его приезда на вокзале Южной Тихоокеанской железной дороги собрались все армяне Калифорнии. Я взобрался на телефонный столб и увидел, как он выходит из вагона. Это был мужчина лет пятидесяти, в хорошо сидящем костюме американского покроя, ростом чуть ниже шести футов, крепко сбитый и очень сильный. Он носил старомодные усы на армянский манер,

совсем седые. Выражение его лица было суровым и вместе с тем добрым. Толпа окружила его со всех сторон. Встречающие усадили Андраника в большой роскошный «Кадиллак» и увезли.

Я слез со столба и всю дорогу до дядиного офиса бежал бегом. Было это не то в 1919 году, не то в 1920-м. Мне исполнилось то ли одиннадцать, то ли двенадцать. А может, это случилось на год-два позже. Впрочем, какая разница. Работал я у своего дяди в офисе рассыльным. Все мои обязанности заключались в том, что я должен был время от времени покупать ему холодный арбуз, который он разделывал тут же, у себя на столе. Ему доставалась часть побольше, мне поменьше. Если в этот момент к дяде приходил посетитель, я сообщал посетителю, что дядя очень занят и просит подождать в приемной или зайти через час. Вот так мы с дядей коротали наши дни. Он был адвокатом с хорошей клиентурой. Я приходился ему племянником, сыном сестры, а также слыл заядлым книгочеем. Говорили мы то по-армянски, то по-английски. Семечки сплевывали в плевательницу.

Мой дядя сидел за своим столом, пребывая в великом волнении, и курил сигарету.

– Ты видел Андраника? – спросил он по-армянски.

По-армянски мы никогда не называли его «генерал Андраник», только по-английски.

– Да, видел, – ответил я.

Дядя пришел в сильное возбуждение.

– Вот, – сказал он, – вот, возьми четвертак, сбегай принеси большой холодный арбуз.

Когда я вернулся с арбузом, в кабинете сидели четверо: редактор «Аспареза», еще один адвокат и два клиента, оба фермеры. Все курили сигареты и говорили об Андранике. Дядя протянул мне доллар и велел принести столько арбузов, сколько я смогу дотащить. Обратно я пришел с зажатыми под каждой подмышкой большущими арбузами. Дядя разрезал их пополам и угостил посетителей. У нас были только две большие ложки да нож для масла, так что фермеры ели руками и я тоже.

Дядя представлял интересы одного фермера, а второй адвокат – другого. Дядин клиент утверждал, будто три года назад дал тому другому фермеру двести долларов взаймы, а расписку с него взять позабыл. Тот же в свою очередь уверял, что в жизни не занимал ни у кого и пенни. В этом состояла суть спора, но никому сейчас до этого не было дела. Все уплетали арбуз и радовались, что приехал Андраник. Наконец, второй адвокат поинтересовался:

– А как быть с этим дельцем?

Дядя сплюнул семечки в плевательницу и обернулся к клиенту того адвоката.

– Давал тебе Овсеп взаймы двести долларов три года назад? – спросил он.

– Да, это правда, – ответил фермер, отколупнул здоровый кусок арбуза из сердцевины и затолкал себе в рот.

– Но вчера ты мне говорил, что он не давал тебе и пенни, – возразил его адвокат.

– Так то было вчера! – воскликнул фермер. – А сегодня я увидел Андраника. У меня нет сейчас денег, но я верну, как только продам свое зерно.

– Братец, – сказал фермер по имени Овсеп, – вот это я и хотел от тебя услышать. Я дал тебе двести долларов, потому что ты нуждался в них, и я хотел получить их с тебя, а то люди засмеяли бы меня, дурака такого. Но теперь совсем другое дело. Не надо мне возвращать эти деньги. Оставь их себе в подарок. Они мне не нужны.

– Нет, братец, – возразил тут второй фермер, – долг есть долг. Я настаиваю на том, чтобы ты принял деньги.

Дядя слушал их и поглощал арбуз.

– Мне не нужны эти деньги, – сказал фермер по имени Овсеп.

– Я же занял у тебя две сотни, так или нет? – вопрошал второй.

– Ну так.

– Значит, я должен их тебе вернуть.

– Нет, братец, я их не возьму.

– Но ты должен.

– Нет.

Тогда второй повернулся к своему адвокату с кислой миной:

– Может, передадим дело в суд и заставим его взять деньги?

Адвокат взглянул на дядю, у того рот был набит арбузом. Адвокат смотрел на дядю с таким комичным видом, до того по-армянски, что, казалось, всем своим видом он хотел сказать: ну и как все это называется? Тут дядя чуть не подавился от хохота арбузными семечками.

И тогда расхохотались все, даже фермеры.

– Соотечественники, – выговорил наконец дядя, – ступайте домой. Забудьте это мелкое происшествие. Сегодня у нас великий день. Наш герой Андраник приехал к нам с родины, с земли наших предков. Идите по домам и будьте счастливы.

Фермеры удалились, обсуждая знаменательное событие.

Приезд Андраника со старой родины армяне Калифорнии встретили с ликованием.

Однажды, месяцев шесть-семь спустя, когда мы сидели с дядей в офисе, к нему зашел Андраник. Я знал, что Андраник часто приходил к дяде, да только каждый раз в это время я бывал в школе. И вот только теперь увидел генерала Андраника, нашего национального героя, вблизи. Он сидел с нами в одной комнате. Мне было очень грустно и обидно за него, я видел, как он расстроен, разочарован, подавлен. Где та славная Армения, которую он мечтал завоевать для своего народа? Где великое возрождение древней нации?

Он вошел в кабинет тихо, почти стесняясь. Так тих и застенчив может быть только великий человек. Мой дядя вскочил из-за стола, обожая и любя Андраника в эту минуту больше, чем кого-либо другого на свете, и в его лице любя всю погибшую нацию, всех умерших и живых, рассеянных по всему миру. Вскочил и я, любя его, как и мой дядя, но только его одного, Андраника, великого человека, ставшего ничем, солдата, бессильного перед светом, где царит дешевый и фальшивый мир, человека, преданного вместе с его народом, с Арменией, от которой осталось одно воспоминание.

Он говорил негромко, с час или около того, и ушел, а когда я взглянул на дядю, то увидел, что в глазах у него стоят слезы, а рот перекошен, как у маленького ребенка, которому мучительно больно, но он ни за что не позволит себе закричать.

Вот что выпало на нашу жалкую долю в тот недобрый пятнадцатый год. Спустя много лет то же самое произойдет с другими народами, малыми и большими, потому что этот путь никудышный, гибельный. Даже если твой народ настолько могуществен, что может победить на войне, то все равно в итоге его ожидает смерть, не в одном, так в другом воплощении. Смерть, а не жизнь – вот единственный результат. И всякий раз она обрушивается на людей, а не на нации, потому что есть только одна нация – нация живущих. Так что же мы не сойдем с выбранного пути? Почему не покончим с этим, почему мы продолжаем обманывать самих себя? Неужели нет другого способа показать свою силу, кроме как числом, на войне? Так что же мы не положим этому конец? Что у нас на уме, что мы задумали сделать со всеми теми простыми, добрыми, прекрасными людьми, которые встречаются в каждом городе? Турок и армянин – братья, и они это знают.

Немец и француз, русский и поляк, японец и китаец – все они братья. Все они суть маленькие простые смертные люди, подвластные року. Зачем же им убивать друг друга? Кто от этого в выигрыше? Я люблю то пьянящее

чувство, которое просыпается во мне, когда моя душа и тело противостоят какой-нибудь грозной силе. Но почему этой силой должны быть наши же братья, почему не что-то другое, менее ранимое и уязвимое, чем смертное человеческое существо? Почему эта треклятая война не может быть противоборством более благородного свойства? Разве все благородные задачи человечества уже решены? И ничего другого, кроме как убивать, не осталось? Все знают, сколько еще нужно переделать всяких дел, так что ж мы не покончим с этим мартышкиным трудом?

После войны правительства великих держав предали Андраника и Армению, но воины Армении не пожелали предавать самих себя. Им было не до смеха. Они говорили: «Лучше умереть, чем позволить своему собственному благоразумию затянуть себя в новую кабалу!» Продолжать войну было бессмысленно, но прекратить войну означало бы погубить народ. В любом случае они шли на самоубийство, потому что в мире у них не осталось больше друзей. Правительства великих держав были заняты дипломатическими проблемами. Их война была окончена, наступило время разговоров. Для воинов же Армении настало время либо погибнуть, либо добиться великой победы. Но армянин слишком умудрен, чтобы верить в великие победы.

Этими воинами были националисты, дашнаки. Они сражались за Армению, за армянский народ, потому что не знали, как иначе можно сражаться за жизнь, достоинство и родину. По-другому в мире не бывает. Только пушками. У дипломатов не нашлось времени заниматься Арменией. Выбранный дашнаками путь был плох; он был ни к черту, но это были великие люди и делали они то, что должны были делать. И тот армянин, который их презирает и ненавидит, либо невежествен, либо предатель. Они совершили смертельную ошибку, я знаю, то была смертельная ошибка, но это был единственный возможный выход. Короче, войну они выиграли. (Войны никогда не выигрываются, просто это слово используют исключительно для экономии места и времени.) Так или иначе, нация не погибла целиком. Жители Армении мерзли, голодали, страдали от болезней, но солдаты выиграли свою войну, и Армения стала страной с правительством, с политической партией – дашнаками. (Грусть накатывает, когда вспоминаешь о тысячах убитых, но я славлю солдат, тех, кто погиб, и тех, кто выжил. Всех я славлю и люблю, а тех, кто пошел на компромисс, я всего лишь люблю.) То была роковая, но благородная ошибка, позволившая Армении стать Арменией. Конечно, это была очень маленькая, очень незначительная страна, окруженная со всех сторон врагами, но зато на протяжении двух лет Армения была Арменией, Ереван – ее столицей.

Впервые за тысячи лет Армения была Арменией.

Я знаю, как глупо этим гордиться, но ничего не могу поделать с собой, горжусь, и все тут.

Воевали, разумеется, с турками. Все прочие враги хотя и были начеку, но не так активны. Когда же подвернулся удобный момент, один из этих врагов (не из ненависти, а во имя любви) в одночасье совершил то, что туркам не удавалось сделать сотни лет. (Турки были честнее: их ненависть была неприкрытой.) Это были русские. Те, новоиспеченные. Вообще-то это были те же самые, прежние русские, только они придумали новую теорию о братстве людей на земле. Они навязались Армении в братья, взяв ее на мушку. Но если они искренне верили в свою идею, никто на них не в обиде. Они убили всех командиров армянской армии, но и за это их никто не винит. Очень немногим в Армении захотелось становиться братьями этих самых новых русских, но армяне голодали и были измотаны войной, поэтому восстание против русских было коротким и трагичным. Оно моментально захлебнулось. Но, похоже, миру просто не хотелось, чтобы у армян была своя страна, даже через тысячи лет, даже после того, как больше половины армян Малой Азии были истреблены. Просто этого не хотелось русским. И вышло, что командиры армянской армии оказались преступниками, вот их и расстреляли. И все. Русские братья их расстреляли, и дело с концом. А потом сказали армянам, что им нечего опасаться. Турки их больше не потревожат. Проникнутые братскими чувствами русские солдаты маршировали по улицам армянских городов и говорили всем, что бояться нечего. У каждого солдата была винтовка. В Армении царила атмосфера великого братства.

Я сидел в кабинете дяди, далеко-далеко, в Калифорнии. «К черту, – сказал я, – кончено, можно начать забывать Армению. Андраник умер. Страна погибла. Великие державы суетятся вокруг новых проблем. К черту, к черту, я – не армянин, я – американец».

Ну, если откровенно, я и то, и другое, и ничто. Я люблю Армению, и я люблю Америку, я принадлежу им обеим, но я всего-навсего житель Земли, как и вы, кто бы вы там ни были.

Я пытался забыть Армению, но не смог. Моя родина Калифорния, но я не могу забыть Армению. Так что же все-таки такое наша родина? Какое-то особенное место на земле? Реки? Озера? Небо? Может, луна там восходит как-то по-другому? А солнце? Или наша родина – это деревья? Виноградники? Травы? Птицы? Скалы? Холмы? Горы? Равнины? Температура воздуха весной, летом и зимой? Пульс живой природы? Может, это дома и хижины, улицы городов? Столы, стулья, чаепития и

разговоры? Может, это персик, созревающий на ветке в летнюю жару? Может, это мертвые в земле? Может, это те, кто еще не родился? Может, это речь? А может, напечатанное слово родного языка? Написанная там картина? Песня? Танец? Или родина – это молитва, вознесенная в благодарение за воздух, воду, землю, огонь и жизнь? Может, родина – это глаза людей, их улыбки, их горе?

Не могу сказать наверняка, знаю только, что все это растворено в нашей крови, как воспоминание. Все это живет в человеке. Ведь я был в Армении, был, видел своими глазами, я знаю. Я побывал там, и вот что я оттуда вынес: человек на земле – не что иное, как трагичное смертное существо, будь он хоть король, хоть нищий. Я хочу, чтобы люди прозрели, уразумели, наконец, эту истину и прекратили убивать друг друга, потому что я верю в то, что существуют и другие достойные способы становиться великими. Я верю, что возможен исход, результатом которого будет жизнь, а не смерть. Какая разница, к какому народу принадлежать и какие политические теории исповедовать? Разве от этого уймется хоть ненамного боль и скорбь смертных? Разве нас это осчастливит, сделает могущественнее?

Я отправился в путешествие, чтобы узнать, подышать тем воздухом, побывать там.

Виноград на армянских виноградниках еще не созрел, зеленели листья и лоза была точь-в-точь как калифорнийская, и лица армян Армении как две капли похожи на лица армян Калифорнии. Реки Араке и Кура медленно несли свои воды по плодородной земле Армении точно так же, как реки Кингс-ривер и Сан-Хоакин текут по долине, где я родился. И солнце было теплым и добрым и ни в чем не уступало калифорнийскому.

И ты словно везде и нигде. Все оказалось другим, и вместе с тем одно вполне могло сойти за другое: слово за слово, камешек за камешек, листок за листок, око за око, зуб за зуб. Это была не Армения и не Россия. Там жили люди и не только люди, там жило все, и одушевленное и неодушевленное: лоза, деревья, скалы, реки, улицы, дома, целая страна с городами и селами, все и ничто, и земля. И это было грустно. Автомобиль трясло по грунтовой дороге, ведущей к древней армянской церкви, в Эчмиадзин. Крестьяне, мужчины, женщины и дети, стояли босиком на старинном каменном полу, возведя глаза на крест, били поклоны и верили. А армянские марксисты, снисходительно и немного стесняясь, посмеивались над наивным недомыслием и глупой верой своих собратьев. По дороге в Ереван, сидя в автомобиле, я так глубоко переживал печаль своей страны, Армении, что в память об Армении мне запал только тихий

голос генерала Андраника во время его разговора с моим дядей, слезы на глазах дяди и болезненная гримаса, исказившая его лицо после ухода Андраника.

1936